

В. РОГАЧЕВ (Саранск), *Ф. БАЯЗИТОВА*, *Р. САФАРОВ* (Казань)

О МОРДОВСКО-ТАТАРСКИХ КОНТАКТАХ В ПОВОЛЖЬЕ

Abstract. On Mordvin-Tatar Contacts in the Volgaic Region

The article discusses the mutual relations of the Mordvin peoples (Erzyas and Mokshas) and the Tatars of the Volgaic region. Those relations are widely manifested in the respective languages (in the common vocabulary, in place names, incl. street names, in formal personal names and nicknames) as well as in the folklore and customs.

Keywords: Erzya language, Moksha language, Tatar language, contacts, loans.

История совместного проживания финно-угорских и тюркских народов в Поволжье насчитывает не одну сотню лет. Она началась с возникновения раннефеодального государства Волжской Булгарии, в состав которой территориально вошли мордва, марийцы, удмурты. Так, по материалам надгробных булгарских эпитафий известно, что мордовская племенная верхушка роднилась с булгарами, вступала в династийные браки, сотрудничала с тюркской знатью.

В XIII в. в связи с завоевательными походами Батые в Поволжье пришла вторая волна тюркских кочевых народов. Становление Золотой Орды, возникновение улусных центров — долгая история, которая завершилась внутренними распрями, войнами кланов, поражением в Куликовской битве, постепенным угасанием золотоордынского государства. Волна завоевательных походов схлынула, часть татар перешла в разряд т. н. служилых, мирного населения, рассредоточилась на огромных территориях, обосновалась со своими семьями или обзаводилась ими на месте, стала вести мирный образ жизни земледельцев, промысловиков, а перешедшие на службу к царю охраняли границы. Так, на территории Мордовии известны служилые темниковские князья Еникеевы, Мансыровы, Колунчаковы, Акчурины, Бибарсовы, Енгальчевы, Девлеткильдеевы, Бегишевы, Ишеевы, Кудашевы и др., осевшие на мокшанских землях Темниковского уезда (см. Ишеев, Акчурин http://mullanur_isheyev@mail.ru). Происхождение служилого татарского населения, оказавшего значительное влияние на развитие региона, различно, достаточно вспомнить грамоту, данную в 1539 году князем Иваном Васильевичем князю Еникею Тенишеву. В ней говорится: «та-

тар и тарханов, и башкирцов, и можарян, которые живут в Темникове, судить и ведати их по старине, по том ж, как наперед того судил и ведал отец ево Тениш» (Два списка... <http://saratov.rusarchives.ru/exhib/suak/imagepages/image11.htm>).

Московские цари поначалу за службу князей и мурз жаловали ясаком только с определенной части мордовского населения. Со второй половины XVI века вместо ясака им выделялись поместья с крепостными крестьянами, в основном русскими переселенцами, на условиях обязательного несения службы.

На территории проживания древней мордвы были и другие крупные татарские населенные пункты. Это, например, Нарручадь (ныне Наровчаты, районный центр в Пензенской области). В разных источниках он называется по-разному — Мохши, Мухши (т. е. поселение на р. Мокше) (Мокшин 1989 : 43). Как уже отмечено, расселение тюркских народов было особенно интенсивным в послеордынский период, в XV—XVI вв. Тогда росло татарское влияние на культуру народов России, что заметно в области языка, антропологии, обрядности. Русский язык насчитывает не одну сотню заимствований из татарского языка.

На территории современной Мордовии татарское население в основном сосредоточено в центральной ее части (Лямбирский и Ромодановский районы), а также в отдельных поселениях западных районов (Инсарский, Ельниковский, Торбеевский, Темниковский). Татарское влияние на культуру местного населения — мокши и эрзи — особенно проявилось в языке, фольклоре, этнографии. Так, в мордовских языках лингвисты насчитывают несколько сот заимствований. И это на поверхности, видно даже не специалисту. Есть заимствования, которые так ассимилированы фонетически и адаптированы к языку, что воспринимаются как родные. Ученые предполагают, что к ним относятся в том числе и такие, как *энялдомс* 'просить', *комоля* 'хмель', *кишумань* 'хрен' (предположительно, чувашизм), *кирмар(л)ав* 'репей', *юрт* 'основа; место', *сокор* 'слепой', *ён* 'сторона', *ян* 'тропинка', *каршо* 'против', *пек* 'очень', *цёра* 'сын; мужчина', *сумань* 'зипун' (предположительно, чувашизм), *куяр* 'огурец', *кендял* 'клоп', *куда* 'сват', *ярмак* 'деньги', *эмеж* 'овощи', *ашо* 'белый', *адя* 'идем', *ава* 'мать' (Бутылов 2006 : 8).

Наряду с этим лексическим пластом в эрзянском языке есть слова диалектного характера — уличные имена, прозвища, топонимика. К примеру, в с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия встречаются тюркские заимствования, не известные в других селах. Связано это с возникновением села в начале XVII в., до 1624 г., как переселенческого. В писцовых книгах Алатырского уезда отмечено, что «Кергуды Новые по речке Семилее, Тапоснанского беляка, Верхосурского стана выставились из деревни из Старой Кергуды» (Герасимов 1936 : 59), жители которой пришли на земли, частично освоенные татарами. Так, по нашим предположениям, к моменту переселения эрзян на новое местожительство, ныне называемое Ташто юрт (Старое место), примерно в 5 км уже находилось поселение Ачакуль, в котором предположительно проживали татары.

По мере роста населения эрзянское село приближалось к татарскому, пока они не слились. Ачакуль сохраняло свое название, а татарское население постепенно ассимилировалось, оставив след в эр-

зянском языке. В нашем случае на древний характер татарского поселения указывает топонимика, по преимуществу тюркского происхождения. Само название *Ачакуль*, по мнению ученых, восходит к тюркским языкам: «Возможно, от тюрк. *Ачык* 'луг среди леса' + *куль* 'озеро'» (Цыганкин 2005 : 31). Существует и иная трактовка топонима: двухкомпонентное слово, первый компонент *ача* от тат. *ачы* 'кислый, горький', второй — *куль* в татарском, башкирском языках 'озеро' < общетюрк. *köl (ДТС 313). Озера с похожим названием встречаются в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири. К примеру, озеро *Ачикуль* в Башкортостане, несколько озер с названием *Ача-куль* в Челябинской области, озеро *Ачикуль* в Томской области. Н. И. Шувалов, Ф. Г. Гарипова считают, что названия озер восходят к тюрк. *ачы* 'горький, соленый' + *куль* 'озеро' (Шувалов 1989 : 24; Гарипова 1998 : 139).

Такое же тюрко-татарское происхождение имеет *Авсад латко* — ручей, приток речки Семилейка. Предположительно, *Авсад* — антропоним тюркского происхождения (*Асад*, *Асаид* — распространенное имя у тюркских народов) (Цыганкин 2005 : 14). К названию *Авсад* близок по звучанию топоним *Эсаень чавома* — луг, где был убит человек по имени *Эсай* (Цыганкин 2005 : 416). В подтверждение следует сказать, что топонимы *Авсад*, *Эсай* восходят к одному и тому же имени — *Әсәд*, которое у татар чаще употреблялось в полной форме *Әсәдулла* и сохранилось в фамилиях *Асадуллин*, *Асадуллаев* < араб. *асад* + *Аллах* 'лев Аллаха'. В обиходе многие многокомпонентные имена использовались в сокращенной форме: *Рамазан* — *Рамай*, *Салихжан* — *Салай*, *Камалетдин* — *Камай* и др. Так, *Әсәдулла* употреблялось и в форме *Әсәй*, от которого в татарском языке образована фамилия *Асяев* (Саттар-Муллиле 1998 : 317). С большой долей вероятности можно утверждать, что распространенная в Косогорах фамилия *Осяев* по сути аналогична тат. *Асяев*, и эти слова одного лексического ряда восходят к упомянутому имени *Әсәй*.

Интересна природа топонимов *Аргашкэ вирь*, *Аргашкэ латко* (к юго-западу в 3—3,5 км от поселения Ачакуль, в верховьях ручья Авсад). Происходит этот топоним, возможно, от ф.-у. *ar, *ara* 'ручей; лужа, протока' + топоформанты *-га* и *-шка* или от антропонима *Аргашкин* (от тат. *аргыш* 'караван; спутник') (Цыганкин 2005 : 27). Вся перечисленная топонимика восходит к тюркским, в частности татарскому, языкам.

Есть и другие факты, указывающие на этническую принадлежность исконного населения Ачакуль (ныне улица с. Косогоры). В этом поселке в 40—70-х годах XX в. проживали представители семейства Татаркиных: *Татар Ваня*, его братья *Татар Алеш*, *Татар Тюма*, его дети *Татар Алюк*, *Татар Коля*, а также их родственник *Татар Оська* (ПМА 1996). В этом поселке вплоть до середины 50-х годов XX в. жил глава семейства, имевший уличное прозвище *Бильмай* (ПМА 2012). Слово *бильмай* как прозвище, возможно, восходит к тат. *белми*, диал. *белмәй* 'не знает; не знающий человек'. *Бильмай* у татар-мишарей Мордовии имеет и такие варианты перевода: *бил* 'стан', 'пояс человека', *маи* 'хорошо подпоясанный', а также 'сердце мое', 'как месяц'. В случае с уличным прозвищем *Бильмай* высока вероятность, что оно этимологизируется как 'не знающий человек'.

Рядом с поселением Ачакуль в верхнем конце с. Косогоры проживали Ефимкины, имевшие уличное имя *Бикаинь* — *Бикай Сидир*, *Бикай Ваня атя*, его взрослые сыновья и дочь *Бикай Ваня*, *Бикай Петра*, *Бикай Палю*, *Бикай Евдень*, их родственник *Бикай Алюк* (ПМА 2002). Известно, что с татарского на русский *бик* переводится как 'очень'. Однако в данном случае мы, вероятнее всего, имеем дело с другим словом. При этимологизации прозвища или уличного имени *Бикай* следует обратиться к тат. *би/бик/бэк* < тюрк. *бег* 'бек, князь, высокопоставленный человек' (ДТС 91). Слова *би/бик/бэк* со временем стали употребляться как термины тюркской военной аристократии, участвовали в образовании сложных имен собственных (Саттар-Муллиле 1998 : 60). Есть некоторые этимологические нюансы в расшифровке уличного родового имени *Бикай*. Личное имя *Бикай* > *би* + *кай*: *би* в древнем татарском языке было сословным титулом, а *-кай* — словообразовательный суффикс с ласкательным оттенком. Со словом *би* образованы термины родства *бийем* 'свекровь', *биага* 'старший брат мужа' и т. д. (Баязитова 2011 : 243).

В упомянутом селении имеется много других указателей на межэтнические контакты эрзи и татар. До середины 1970-х годов в Косогорах проживал мужчина с уличным именем *Йалдаж*. Внешне типичный южанин, со смуглой кожей, черноволосый. На наш взгляд, данное уличное имя произошло от татарского имени собственного *Юлдаш* букв. 'спутник, попутчик' (Саттар-Муллиле 1998 : 300). До настоящего времени среди татар фамилия *Юлдашев* распространена. В качестве антропонима слово бытует во многих тюркских языках, ср. тат., башк. *Юлдаш*, турец. *Yoldaş*, казах. *Жолдас* и др. Так же переводится *йалдаж* 'попутчик' в других источниках: Татарско-русский словарь (1966; 2007), Эрзянско-русский словарь (1949), Мокшанско-русский словарь (1949).

В Косогорах, однако, этимология слова *йалдаж* не была известна. Упомянутый *Йалдаж* носил фамилию *Сарайкин*, тоже тюркского происхождения, от тат. *saray* < тюрк. *saray* 'дворец' (ДТС 488) (< перс. *sarāy* 'дом, строение' (Эхмэтьянов 2001 : 171)). Следует отметить, что фамилия *Сарайкин* имеет распространение в этом эрзянском селе.

В Косогорах встречаются и другие фамилии татарского происхождения. Одна из них *Сульдин*. Ее носителей объединяет родовое уличное имя *Масяйинь*, *Масяйинькань*. Следует отметить, что фамилия *Сульдин* встречается в бассейне верхнего течения Суры, куда относятся пять восточных районов Мордовии, смежные районы Ульяновской области, крайний восток Пензенской области. Здесь ее носит более тысячи человек. Существует много интерпретаций этой фамилии. Но, на наш взгляд, она восходит к тюрко-монг. *сульдэ* — знамя тюркской семьи, могло употребляться и как название родо-племенного объединения, родовая фамилия или уличное имя, прозвище. В некоторых источниках *сульде*, *сульдэ* 'дух, жизненная сила' — в мифологических представлениях монгольских и тюркских народов одна из душ человека, с которой связана его жизненная и духовная сила.¹ По другим версиям, эта фамилия восходит к тат. диал. *сулда* 'слева', *султыш* 'левша'. Од-

¹ Н. Л. Жуковская, Сульде. — Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2, Москва 1994, с. 475.

но из самых ранних упоминаний этого имени, если только оно имеет отношение к фамилии *Сульдин*, относится к XVI веку: в «Дозорной книге Нижегородского уезда» за 1588 г. указан мордвин Сулда Олексеев. Учитывая характер взаимоотношений татар и мордвы, с высокой долей вероятности можно утверждать, что фамилия *Сульдин* имеет отношение к татарскому языку. А в Косогорах весьма возможно, что в древности предки *Сульдиных* были татарами. В отличие от других регионов проживания эрзян здесь особенно прочно укоренились такие тюркизмы, как *айгыр* 'жеребец', *алаша* 'лошадь' вместо традиционно мордЭ *лишме* и др.

Наличие в Республике Мордовия, в частности в Большеберезниковском районе, таких населенных пунктов, как Ачакуль, Шугурово, Старые Найманы, Русские Найманы, указывает на сложную историю заселения древнего Присурского края и косвенно подтверждает правильность нашей позиции.

Следует отметить, что взаимодействие культур народов проявляется и в наличии мордовской лексики в языке татар-мишарей. Так, мордовские заимствования обнаруживаются в говорах западного (мишарского) диалекта и в тех говорах среднего диалекта, которые формировались под влиянием мишарского диалекта. Экономические и культурные связи между татарами и мордвой установились очень давно. Как известно, татары-мишари живут отдельными группами преимущественно в ареале расселения мордвы — на правом берегу Волги. Только в Мордовии насчитывается около 80 мишарских населенных пунктов, окруженных мордовскими и русскими селениями. Среди тюркских заимствований в мордовских языках первое место по количеству занимают татарские. По мнению исследователей, они носят черты мишарского диалекта, т. е. проникли в мордовские языки через мишарей. Известно, что в мордовских языках бытует более двухсот тюркских (мишарских) заимствований (Феоктистов 1965 : 334—337).

Это различные заимствования. В с. Косогоры рядом с поселением Ачакуль проживала семья Кифтаевых (*Кифтай Сема*, глава семьи, *Кифтай Анисия*, его жена, их дети *Кифтай Сергей*, *Кифтай Манька*, *Кифтай Вася*, *Кифтай Валя*). Так вот, *кифтай*, довольно редко встречающееся слово, имеет сложную природу. Д. Б. Рамазанова считает, что *кифтай*, употребляемое только в говоре татароговорящих мордвы-каратаев, восходит к мордовскому языку: мордМ *кефта*, *кифта*; мордЭ *кефта* 'деверь, брат мужа' (Рамазанова 1991 : 143).

В мишарском диалекте татарского языка специалисты по татарской диалектологии зафиксировали немало лексических заимствований из мордовских языков (Махмутова 1976 : 152—159): *мошко* — *киндер* 'конопля' (ср. мордМ *мушка* 'волокно, кудель', мордЭ *мушко* 'волокно, конопля, кудель'; *мушко сэльге* 'конопляное волокно'); *пэзи* — *киндер*; *киндер сүсе* 'конопля, конопляное волокно, пакля'; *пэзи/пази/пизе пэжи/пэзе/пэзи/пачы* 'посконь' (ср. мордМ *пазэй* 'кудель, посконь'; мордЭ *пазе* то же); *бэжи* в пермском говоре татарского языка (лит. *баса*), считается, что восходит к тому же корню. Слово *пэжи* как древнее заимствование встречается в произведениях татарских поэтов и писателей XIX и начала XX века: *Киеп пэжи кара күлмэк [---] йөрерсен, и Жәмиләкэй* (Г. Кандалий); *Жирән бия камытының чөелдереге пэжидән*

икән шул. Яңгыр сәбәпле бик бүртенгән дә, чишен булмый (Г. Ибрагимов). В чистопольско-мишарском говоре *пәзи кәркеш* 'оборки, плетеные из конопляного волокна' (БДСТ 291).

В татарском языке употребляются и другие лексические заимствования из мордовских языков, например, тат. *нәркәмәс* — *әрем* 'полынь', *кара нәркәмәс* — *кара әрем* 'чернобыльник', ср. морд. *нартемкс*, *нярьх-камаз* 'полынь' (чув. *нәркәмәш* 'яд, мышьяк'); тат. *челги*, *цилге* 'прыщ, угорь' < мордМ *цилге*, мордЭ *сильге* 'бородавка' (БДСТ 743); *кәркеш* 'оборы, бечевка' < морд. *карькс* (< *карь* 'лапоть'), *-кс* — суффикс со значением подобия или предназначения. Отсюда: *карькс* 'оборы', позднее 'всякая тонкая веревка'. В татарском литературном языке в значении 'оборы' употребляется *киндерә*, а *бау* 'бечевка'; *путмар* 'нары с подмарьем — полками для хранения продуктов и посуды в кухонной части избы; нары или деревянная кровать возле двери' (БДСТ 544). Термин *путмар* имеет мордовское происхождение, *пут мар* / *путмар* в лямбирском, кузнецком, хвалынском, сергачском говорах татарского языка: *мич алды ягындагы сәке* 'нары, устроенные напротив или наискосок от шестка печи, служащие кухонным столом для посуды' (БДСТ 544).

К заимствованиям относится в западном (мишарском) диалекте такое название дерева, как *пизел* 'рябина'. Оно зафиксировано в темниковском, лямбирском, кузнецком, карсунском, сергачском говорах, в чистопольском говоре в речи старшего поколения записано в с. Елхово (материалы экспедиции 2003 г., Ф. Баязитова). В северо-западном наречии марийского языка *пизли*, *пйзли* — в мишарском диалекте татарского языка *пизел* (Казанцев 1987 : 192).

В татарском языке некоторые заимствования из мордовских языков имеют параллели в башкирском и чувашском: тат. *баса* — башк. *баҫа*, чув. *пуса* 'конопля, посконь' < морд. *паяй*, *пазе* 'кудель, посконь'; тат., башк. *кәркеш*, чув. *каркйш* 'веревка, оборка' < морд. *карь*, *карькс* 'лапоть'; *тәтә* 'отец', башк. *тәтәй* 'старшая сестра', чув. *тете* 'старший брат' < морд. *тетя*, *тетей* 'отец' и др. (Насипов 2012 : 214).

Среди мордовских заимствований встречаются и отыменные глаголы: *пыжу/пәзү* — *шиңү* 'вянуть, завянуть': *Телләр дә пыжый жарда*. В татарских говорах имеются следующие варианты: *пыжу/пожу/пәжү/пәзү/пыжу* 'вянуть, завянуть', ср. морд. *пужемс/пужомс* то же. В чистопольском говоре *пыжыгу* — *эсседән әлсерәү* 'преть, сильно потеть от жары': *Терлекләр абзарда пыжыгып йаталар* (БДСТ 546).

Перечисленные мордовские слова в настоящее время употребляются в основном старшим поколением. Они считаются древними заимствованиями и являются общими для большинства говоров западного мишарского диалекта.

О тесном взаимодействии народов и языков говорит и тот факт, что в эрзянском языке жителей Большеберезниковского района до настоящего времени активно бытует лексика, заимствованная из татарского языка: *энялдомс* < тат. *инәлү* 'просить'; *комоля* < тат. диал. *комалак*, лит. *колмак* 'хмель'; *кшумань* < тат. диал. *кушман* 'редька'; *кирмар(л)ав* < тат. диал. *кырмавык* 'репей'; *юрт* < тат. *йорт* 'дом'; *сумань* < тат. диал. *сукман*, лит. *чикмән* 'зипун'; *куяр* < тат. *кыяр* 'огурец'; *кендял* < тат. *кандала* 'клоп'; *куда* < тат. *кода* 'сват'; *эмеж* < тат. *жимеш*

'фрукт' (БДСТ 546; ТРС 863); *ташто юрт* < тат. *ташлы йорт* 'каменный дом'.

О тесных мордовско-татарских контактах свидетельствует обрядность (ср. также Баязитова 2000). Так, у татар-мишарей имеется свадебный обычай, *кашык-шава кагу* 'стучать ложками и блюдами'. Парни со стороны жениха старались незаметно для хозяйки спрятать себе за пазуху, в валенки ложки и блюда у матери невесты. Когда увозили невесту, на свадебных подводах стучали ложками, посудой, били по железным тазикам. Как известно, шумовой эффект на свадьбе использовали как бы для оберега невесты от порчи, злых глаз, нечистой силы (Баязитова 2011 : 197). В свадебных обрядах мордвы есть обычай «бить горшки». Производится по окончании свадьбы. Хозяева берут в руки предметы — палки, заслонку, пустые ведра — и начинают шуметь и бить глиняную посуду. Обряд этот у мордвы называется *кудань ливтема* 'выселение поезжан', но выполняется главным образом для того, чтобы выселить из избы нечистую силу, которая, якобы, проникла туда во время свадьбы вместе с посторонними лицами (Евсевьев 1966 : 340).

У татар-мишарей Мордовии есть свадебный обряд *катлама келэве* 'моление лепешек'. Это девичье угощение в доме жениха на второй день свадьбы. У мордвы зафиксирован обряд *сюкоронь ознома* 'моление лепешек' — обычно на третий день свадьбы. Невеста вынимает из своего сундука полотенце и большую чашку с лепешками, принесенными ей накануне родственниками. Чашку с лепешками ставят на стол и начинают молиться: *Кудонь кирди, сияка, Вана саинек од човалья, вечкик кудоват якицякс. Вана тенть казне* (при этом вешает на гвоздь полотенце), *кептест кедензэ штердеме*, — *чокшине позда мадезэ, валске рана стязо* 'Хранитель дома серебряный! Вот взяли мы молодушку — полюби ее, чтобы она ходила по твоему дому. Вот тебе дары ее (указывает на скатерть и полотенце), чтобы руки ее тянулись к пряже, чтобы по вечерам поздно ложилась, по утрам рано вставала'. По окончании моления лепешки делят между присутствующими (Евсевьев 1966 : 306).

В этнографии встречаются и другие свидетельства тесной этнокультурной жизни и заимствований. Для проводов невесты татары-мишари устраивали особую кибитку *вэдэк, мэдэк, кибитк*:. Снаружи ее покрывали пологом невесты — *кушэгэ*. По мнению этнографов, *вэдэк* мишарей представляет пережиточную форму свадебного жилища. Известно, что переселение новобрачной в дом мужа в свадебной кибитке или юрте было характерно для многих тюркских народностей. Такой же обряд — *куме* — был у чувашей (Мухамедова 1972 : 168).

У мордвы очень похожая на мишарскую *вэдэк* кибитка называлась *он-ава*. Снаружи она покрыта или шушпанами невесты и разноцветными кушаками, или белой простыней с пришитыми кистями из разноцветной шерсти; внутри кибитки стелется кошма, кладется подушка. По данным М. Е. Евсевьева, она была заимствована мордвой от тюркоязычных соседей — татар Поволжья (Евсевьев 1966 : 276).

Затронутая проблема ждет исследования. Здесь отмечены лишь некоторые случаи этнокультурного взаимодействия. Анализ этнографического и языкового материала позволяет утверждать, что нельзя от-

рицать финно-волжский (мордовский) компонент в культуре татар-мишарей.

Address

Flera Bajazitova
Institute of Language, Literature and the Arts (Kazan)
E-mail: iyali.anrt@mail.ru

Vladimir Rogachev
Mordovian State Pedagogical Institute
E-mail: rogachev-v@bk.ru

Rinat Safarov
Institute of Language, Literature and the Arts (Kazan)
E-mail: safar.rinat@yandex.ru

Сокращения

БДСТ — Большой диалектологический словарь татарского языка, Казань 2009; **ДТС** — Древнетюркский словарь, Ленинград 1969; **ПМА 1996** — Полевые материалы В. И. Рогачева: записано в июле 1996 г. от Н. А. Гибалкина, уроженца с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия; **ПМА 2002** — Записано в августе 2002 г. от Н. А. Арташкиной, уроженки с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия; **ПМА 2012** — Записано в ноябре 2012 г. от А. Н. Гибалкина, уроженца с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия; **ТРС** — Татарско-русский словарь, Москва 1966.

ЛИТЕРАТУРА

- Б а я з и т о в а Ф. С. 2000, Культурно-языковые параллели в традиционных обрядах мордвы и татар-мишарей. — Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки)». 2—5 февраля 2000 г., Саранск, 352—354.
- 2011, Туй йолалары лексикасы (жирле сөйләш һәм фольклор текстлары ясылыгында), Казань.
- Б у т ы л о в Н. В. 2006, Иноязычная лексика в мордовских языках (индоевропейские заимствования), Саранск.
- Г а р и п о в а Ф. Г. 1998, Татарская гидронимия, Казань.
- Г е р а к л и т о в А. А. 1936, Алатырская мордва по переписям 1624—1721 гг., Саранск.
- Два списка с жалованных грамот, выданных великим князем Василием Ивановичем князю Акчуру Адашеву и его детям, на земельные владения по реке Цне [начало XVI в.]. Государственный архив Саратовской области. <http://saratov.rusarchives.ru/exhib/suak/imagepages/image11.htm>.
- Е в с е в ь е в М. Е. 1966, Избранные труды, т. 5, Саранск.
- И ш е е в М., А к ч у р и н М., Татарские князья и их княжества в Мещерском крае. http://mullanur_isheyev@mail.ru.
- К а з а н ц е в Д. Е. 1987, К истории цоканья в диалектах марийского языка. — Материалы и исследования по марийским диалектам, Йошкар-Ола, 177—197.
- М а х м у т о в а Л. Т. 1976, Некоторые наблюдения над лексикой мишарских говоров (к мишарско-мордовским заимствованиям). — Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка, Казань, 152—159.
- М о к ш и н Н. Ф. 1989, Мордовский этнос, Саранск.
- Мокшанско-русский словарь, Москва 1949.

- Мухамедова Р. Г. 1972, Татары-мишары. Историко-этнографическое исследование, Москва.
- Насипов И. С. 2012, Об основных особенностях языковых контактов тюркских и финно-угорских народов на территории Урало-Поволжья. — Сохранение и развитие разных языков в условиях многонационального государства. Проблемы и перспективы. Всероссийская научно-практическая конференция (Казань, 19—21 октября 2012 г.). Труды и материалы, Казань, 211—216.
- Рамазанова Д. Б. 1991, Термины родства и свойства в татарском языке, Казань.
- Саттар-Муллиле Г. 1998, Татар исемнәре ни сөйли?, Казан.
- Татарско-русский словарь, Москва 1966.
- Татарско-русский словарь 1—2, Казань 2007.
- Феоктистов А. П. 1965, К проблеме мордовско-тюркских заимствований. — Этногенез мордовского народа, Саранск, 334—337.
- Цыганкин Д. В. 2005, Память, запечатленная в слове. Словарь географических названий Республики Мордовия, Саранск.
- Шувалов Н. И. 1989, От Парижа до Берлина по карте Челябинской области. Топонимический словарь, Челябинск.
- Эрзянско-русский словарь, Москва 1949.
- Әхмәтъянов Р. Г. 2001, Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге, Казан.